

МАРК АВРЕЛИЙ

*Наедине с собой.
Размышления*

Санкт-Петербург

УДК 821.14'02
ББК 83.3(0)3
М 26

Перевод с греческого Семена Роговина
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-09300-3

КНИГА ПЕРВАЯ

Деду Веру¹ я обязан сердечностью и незлобиво-
стью (1).

Славе родителя² и оставленной им по себе памя-
ти — скромностью и мужественностью (2).

Матери³ — благочестием, щедростью и воздержан-
нием не только от дурных дел, но и от дурных по-
мыслов. А также и простым образом жизни, далеким
от всякого роскошества (3).

Прадеду⁴ — тем, что не⁵ посещал публичных школ,
пользовался услугами прекрасных учителей на дому
и понял, что на это не следует щадить средств (4).

Воспитателю⁶ — тем, что не интересовался исхо-
дом борьбы между Зелеными и Голубыми, или между
гладиаторами фракийского и галльского вооружения,
что выносив в трудах, довольствуюсь малым, не по-
ручаю своего дела другому, не берусь за множество
дел и невосприимчив к клевете⁷ (5).

Диогнету⁸ — нелюбовью заниматься пустяками
и неверием в рассказы чудотворцев и волшебни-
ков о заклинаниях, изгнании бесов и тому подобных

вещах, тем, что не разводил перепелов⁹ и не увлекался ничем подобным, и тем, что меня не выводит из себя свободное слово, что я отдался философии и слушал вначале Евтихия, затем Андрона и Мециана¹⁰, уже ребенком писал диалоги и почувствовал влечение к простому ложу, звериной шкуре и прочим принадлежностям греческого образа жизни¹¹ (6).

Рустуку¹² — тем, что пришел к мысли о необходимости исправлять и образовывать характер, не проникся духом софистики, не занимался сочинительством теорий, не держал увещательных речей, не разыгрывал напоказ ни страстотерпца, ни всеобщего благодетеля, не увлекался ни риторикой, ни поэтикой, ни краснобайством, не разгуливал дома в столе¹³ и не делал ничего подобного. Благодаря ему я пишу письма без всяких затей, вроде того, которое он сам написал моей матери из Синуессы¹⁴, всегда готов примириться с оскорбителями и обидчиками, лишь только они сделают первый шаг, вникаю во все, что приходится читать, не довольствуясь поверхностным обзором, не соглашаюсь тотчас же с людьми, сыплющими словами, и благодаря ему же я познакомился с воспоминаниями об Эпиктете¹⁵, которыми он ссудил меня из своей библиотеки (7).

Аполлонию¹⁶ — свободой и решимостью, а также тем, что неизменно ставлю разум превыше и всегда остаюсь себе верным при жестокой боли, при потере ребенка, в опасной болезни. На живом примере его ясно увидел, что в одном и том же лице величайшая настойчивость может ужиться со снисходительностью, и как не выходить из себя, когда приходится растол-

ковывать что-либо, он являл собой человека, который умение и сноровку в передаче познаний почитал наименьшим из своих достоинств и научил меня, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не оставаясь в вечном долгу из-за них, но и не оставляя их равнодушно без внимания (8).

Сексту¹⁷ — благожелательностью, образцом дома, руководимого отцом семейства, решением жить согласно природе¹⁸, безыскусственной серьезностью, заботливым отношением к друзьям, запасом терпения в отношении к людям невежественным и опрометчиво судящим и умением со всеми ладить: общение с ним было приятнее всякой лести, и в то же время он пользовался у этих людей величайшим уважением. Он учил меня с пониманием и методически отыскивать и располагать необходимые для жизни основоположения (δόγματα), не выказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, но сочетать любвеобилие с полнейшей свободой от страстей, пользоваться доброй славой, не вызывая шума, и обладать большими познаниями, не выставя их на показ (9).

Александру Грамматику¹⁹ — воздержанием от упреков и обидных замечаний по адресу людей, обмолвившихся каким-либо варварским, ошибочным или неблагозвучным выражением: в подобных случаях я, следуя ему, стараюсь употребить правильное выражение в форме ли ответа, подтверждения, совместного исследования самого предмета, а не оборота речи, или же посредством какого-либо другого уместного приема напоминания (10).

Фронтону²⁰ — пониманием того, каковы злорадство, коварство и лицемерие, присущие тирании, и того, насколько, в общем, черствы душой люди, слывущие у нас аристократами (11).

Александру Платонику²¹ — тем, что без необходимости ссылаюсь на недосуг как в разговоре с кем-нибудь, так и в письмах, и не пренебрегаю, таким образом, постоянно под предлогом неотложных дел, обязанностями по отношению к ближним (12).

Катулу²² — тем, что не оставляю без внимания жалобы друзей, даже если они неосновательны, но стремлюсь, по возможности, все уладить, от чистого сердца воздаю хвалу учителям, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Атенодот²³, а также истинной любовью к детям (13).

Брату моему Северу²⁴ — любовью к домашним, к истине и справедливости, знакомством, через его посредство, с Тразеем, Гельвидием, Катонем, Дионом и Брутом²⁵, представлением о государстве с равным для всех законом, управляемом согласно равенству и равноправию всех, и царстве, превыше всего чтущем свободу подданных. Ему же я обязан и тем, что неизменно чту философию, делаю добро, постоянен в проявлениях щедрости, исполнен благих надежд и верю в любовь со стороны друзей. Осуждая кого-нибудь, он не скрывал этого, а его друзьям не приходилось догадываться, чего он хочет или не хочет, но это всем было ясно (14).

Максиму²⁶ — самообладанием, настойчивостью, бодростью в болезнях и других невзгодах, уравнове-

шенностью, мягкостью и достоинством характера, рвением в исполнении стоящих на очереди дел; что бы он ни говорил, все верили в его искренность, что бы ни делал — в отсутствие злого умысла. Ему же я обязан тем, что ничему не удивляюсь и ничем не поражаюсь, ни в чем не проявляю ни спешки, ни медлительности, ни растерянности, ни уныния, ни злорадства, ни гнева, ни мнительности, и тем, что предан добру, готов отпустить обиду, чуждаюсь лжи, предпочитаю верность своему долгу последующему исправлению, соблюдаю благопристойность и в шутках: никто не считал себя презируемым им, но никто не решался и счесть себя выше его (15).

Отцу своему²⁷ — кротостью и непоколебимой твердостью в решениях, принятых по зрелом обсуждении, отсутствием интереса к мнимым почестям, любовью к труду и старательностью, внимательным отношением ко всем, имеющим внести какое-либо общепольное предложение, неуклонным воздаянием каждому по его достоинству, знанием, где нужны меры строгости, а где кротости, искоренением любви к мальчикам, преданностью общим интересам. Он разрешил своим друзьям даже вовсе не присутствовать на его обедах и не принуждал их сопровождать его в путешествиях. Если кто отлучался по делам, то, возвращаясь обратно, находил его расположенным к себе по-прежнему. Во время совещаний он настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он старался сохранить своих друзей, не меняя их по приказу, но и не обнаруживая к ним чрезмерного пристрастия. Уверенность в своих силах и бод-

рость были его постоянными спутниками. Он предвидел определенные события и предусматривал самые ничтожные обстоятельства, не кичась этим. Угодливость и вообще всякая лесть были ему противны. Он всегда был на страже государственных нужд и бережно тратил общественные средства, не боясь упреков за это. Ему были равно чужды как суеверие по отношению к богам, так и заискивание и угождение по отношению к людям или потакание черни, — наоборот, трезвость, положительность, благопристойность, постоянство были его отличительными свойствами. Что касается вещей, которые красят жизнь и которыми судьба одарила его в изобилии, то он пользовался ими без тщеславия, но и без скупости, так что, пользуясь беспритязательно тем, что имелось налицо, он не нуждался в том, чего не было. Никто не мог про него сказать, что он софист, болтун или педант, но всякий должен был признать в нем человека зрелого, совершенного, недоступного лести, способного устроить и свои дела, и чужие. Кроме того, он умел ценить истинных философов, к остальным же относился без пренебрежения, хотя и не давался им в обман. Отличаясь приветливостью, он не прочь был и пошутить, но никогда не переходил границ. Он заботился должным образом и о своем теле, не как человек, цепляющийся за жизнь, не стремясь к внешней красоте, но и не оставляя его в небрежении; своим вниманием к нему он имел в виду достичь того, чтобы возможно меньше нуждаться во врачебном искусстве или же во внутренних и наружных лекарствах. Но особенно замечательна та готовность, с которой он признавал превосходство людей, приобретших особую авторитетность в какой-нибудь области, например в красноре-

чий, познании законов, нравов или еще чего-нибудь: он даже прилагал все усилия, чтобы каждый из них получил известность в меру своих дарований. Во всем блюдя заветы отцов, он в то же время даже не старался казаться следующим им. Кроме того, ему были чужды непостоянство и несправедливость, и он подолгу оставался в одних и тех же местах и при одних и тех же занятиях. После жестоких припадков головной боли он как ни в чем не бывало со свежими силами принимался за обычные дела. Секретов у него было очень мало, да и те относились только к общественным делам. В устройстве зрелищ, возведении зданий, в своих щедротах и тому подобном он проявлял благоразумие и умеренность. Во всяком поступке его занимало только должное, а не добрая слава, сопутствующая такому поступку. Он не пользовался баянями в неурочное время, не увлекался постройкой зданий, был неприязнителен в вопросе о еде, о ткани и цвете одежды, о красоте рабов. Обыкновенно в Лориуме он носил сто́лу, изготовленную в соседней деревне, в Ланувии по большей части ходил одетым в хитон, в Тускулане же носил плащ, считая нужным извиняться в этом, — и таков он был во всем²⁸. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму»; наоборот, он все обсуждал во всех подробностях, как бы на досуге, спокойно, держась известного порядка, терпеливо, сообразуясь с самим делом. К нему вполне можно было бы применить то, что повествуется о Сократе: он мог, именно, и воздерживаться, мог и пользоваться всем тем, относительно чего большинство людей бессильно в воздержании и неумеренно в пользовании²⁹. Но проявлять в одном

случае терпение, в другом — воздержание, в третьем — трезвость суждения достойно человека, обладающего душою совершенной и непреклонной. Именно таким показал он себя во время болезни Максима (16).

Богам — тем, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родственники, друзья, почти все окружающие, и тем, что мне не пришлось обидеть никого из них, хотя у меня такой характер, при котором я, при случае, и мог сделать что-нибудь подобное; но, по милости богов, не было такого стечения обстоятельств, которое должно было бы меня обличить. Им же я обязан и тем, что не долго воспитывался у наложницы деда и что сохранил в чистоте свою юность, не возмужал раньше времени, а даже запоздал в этом отношении. Богов я должен благодарить и за то, что моим руководителем был государь и отец, который хотел искоренить во мне всякое тщеславие и внедрить мысль, что, и живя при дворе, можно обходиться без телохранителей, без пышных одежд, без факелов, статуй и тому подобной помпы, но вести жизнь, весьма близкую к жизни частного человека, не относясь поэтому уже с пренебрежением и легкомыслием к обязанностям правителя, касающихся общественных дел. Их же я должен благодарить, далее, за то, что у меня был брат³⁰, который своим характером мог подвигнуть меня на заботу о самом себе и который в то же время доставлял мне радость своим уважением и любовью ко мне, за то, что мои дети не были обижены ни в умственном, ни в физическом отношении, и за то, что я не сделал больших успехов ни в риторике, ни в поэтике, ни в других занятиях, которым, быть может,

я бы посвятил себя, если бы знал за собой большую успешность. Богам я обязан и тем, что безотлагательно взыскал своих воспитателей теми почестями, которых они, по-видимому, добивались, а не ласкал их только надеждою, что сделаю это впоследствии, так как сейчас они еще молоды, и тем, что познакомился с Аполлонием, Рустиком, Максимом. Я часто думал о жизни, согласной с природой, и ясно представлял себе, какова она. Боги, со своей стороны, сделали все своими дарами, помощью и внушением, чтобы я мог беспрепятственно жить согласно природе, и если я не жил так, то по своей вине и потому, что не следовал их указаниям и чуть что не прямым наставлениям — за это я также должен быть признателен богам, равно как и за то, что при такой жизни мое тело не отказалось мне служить до сих пор, и за то, что избег сближения с Бенедиктой и Феодотом³¹, да и впоследствии быстро исцелялся от любовных увлечений; за то, далее, что, часто сердясь на Рустика, не сделал ничего такого, в чем бы пришлось потом раскаиваться, и за то, что моя мать, которой суждено было умереть молодой, последние годы провела со мною. Благодарение богам и за то, что не было такого случая, чтобы я хотел помочь бедному или же вообще нуждающемуся, но должен был отказаться от этого за неимением средств, и за то, что сам никогда не был в такой нужде, чтобы быть вынужденным брать у других, и за то, что у меня такая преданная, любвеобильная, откровенная жена³², и за то, что никогда не имел недостатка в хороших воспитателях для моих детей. Им же я обязан и полученным мною во сне указанием средств как против кровохарканья и головокружения (что случалось и в Каэте), так и против других недугов³³, и тем, что, почувствовав

влечение к философии, я не попал в руки какого-нибудь софиста, не увлекся ни историей, ни анализом силлогизмов, не отдался изучению небесных явлений. Ибо для всего этого нужна помощь богов и милость судьбы (17).

*Страна Квадов у Грануи*³⁴

КНИГА ВТОРАЯ

Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Всеми этими свойствами они обязаны незнанию добра и зла. Я же, после того как познал природу добра — оно прекрасно, — и природу зла — оно постыдно, — и природу самого заблуждающегося — он родной мне не по крови и общему происхождению, а по духу и божескому определению, — я не могу ни потерпеть вреда от кого-либо из них — ведь никто не может вовлечь меня во что-либо постыдное, — ни гневаться на родного, ни ненавидеть его. Ибо мы созданы для совместной деятельности, как и ноги, руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу противно природе: но досадовать на людей и чуждаться их и значит им противодействовать» (1).

Чем бы я ни был, я все же только немощное тело, слабое проявление жизненной силы (πνευμάτιον)¹ и руководящее начало (ἡγεμονιχόν). — Оставь книги, не отвлекайся от дела, время не терпит². Относись же к своему телу с таким же пренебрежением, как если бы ты был при смерти; оно лишь кровь да кости, брренное

плетение из нервов, жил и артерий. Рассмотря также существо жизненной силы: оно — дуновение, притом не остающееся всегда себе равным, а ежемгновенно то выдыхаемое, то вдыхаемое. Итак, остается лишь третья — руководящее начало, и о нем ты должен подумать. Ты стар: не допускай же более его порабощения, не допускай, чтобы помыкали им противообщественные стремления, чтобы оно роптало на свой настоящий удел и приходило в ужас перед будущим (2).

Созидаемое богами преисполнено промысла. Приписываемое случаю также возникает не без участия природы или не без связи и соединения с тем, чем руководит промысел. Все проистекает из этого источника; с ним сопряжены и неизбежное, и то, что идет на пользу всему миру, коего ты составляешь часть. Для всякой же части природы будет благом то, что производит природа Целого и что способствует ее поддержанию. Но изменения как элементов, так и сложных тел способствуют поддержанию мира. Вот мысли, которые должны дать тебе удовлетворение; пусть же они будут твоими основоположениями. Утешь свою жажду книжного знания, чтобы не роптать, когда придет смерть, а умереть, храня благорасположение и искренно, от всего сердца, благодаря богов (3).

Вспомни, с коих пор ты откладываешь эти размышления и сколько раз ты, получив у богов отсрочку, не воспользовался ею. Но ведь следует же тебе в конце концов сознать, к какому миру ты принадлежишь как часть и истечением какого мироправителя ты являешься; ты должен сознать, что положен предел времени твоей жизни, и если ты не воспользуешься этим

временем для своего просвещения, оно исчезнет, как исчезнешь и ты, и более уже не вернется (4).

Всегда ревностно заботься о том, чтобы дело, которым ты в данный момент занят, исполнять так, как достойно римлянина и мужа, с полной и искренней серьезностью, с любовью к людям, со свободой и справедливостью; и о том также, чтобы отстранить от себя все другие представления. Последнее удастся тебе, если ты каждое дело будешь исполнять, как последнее в своей жизни, свободный от всякого безрассудства, от обусловленного страстями пренебрежения к велениям разума, от лицемерия и недовольства своей судьбой. Ты видишь, как немногочисленны требования, исполнив которые, всякий сможет жить божественной жизнью. Да и сами боги от того, кто исполняет эти требования, ничего больше не требуют (5).

Ну что-ж, пренебрегай, пренебрегай собой, душа! Ведь отнестись к себе с должным вниманием ты уже скоро не сможешь. Жизнь вообще мимолетна, твоя же жизнь уже на исходе, а ты не уважаешь себя, но ставишь свое благоденствие в зависимость от душ других людей (6).

Пусть не рассеивает тебя проходящее к тебе извне!³ Создай себе досуг для того, чтобы научиться чему-нибудь хорошему и перестать блуждать без цели. Следует беречься также и другого тяжкого заблуждения. Ведь безумны люди, которые всю жизнь без сил от дел и не имеют все-таки цели, с которой они сообразовали бы все стремления и представления (7).

Не легко указать на кого-либо, кто стал бы несчастным оттого, что был невнимателен к происходящему в чужой душе. Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души (8).

Всегда следует помнить о том, какова природа Целого, какова моя природа, каково отношение второй к первой и какой частью какого Целого она является, а также о том, что никто не может помешать всегда действовать и говорить согласно природе, часть которой ты составляешь (9).

Феофраст, расценивая различные проступки (поскольку такая расценка возможна с обычной точки зрения)⁴, замечает, как истинный философ, что проступки, содеянные по влечению, более тяжки, чем проступки, содеянные под влиянием гнева. Ведь гневающийся, отвращаясь от разума, испытывает, по видимому, какую-то горечь и тайное сокрушение, прегрешающий же по влечению, не будучи в силах устоять перед соблазном наслаждения, проявляет, по видимому, в своих проступках большую распущенность и изнеженность. Правильно поэтому и достойно философии Феофраст решил, что большего порицания заслуживает проступок, сопряженный с наслаждением, нежели сопряженный с горем. Вообще один из этих людей подобен, скорее, тому, кого вызвало на гнев чувство горечи, связанное с причиненной ему ранее несправедливостью, другой же самопроизвольно стремится к несправедливости, увлекаемый своим вождением к какому-нибудь действию (10).

Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так, как будто каждое мгновение может оказать-

ся для тебя последним. Если боги существуют, то выбыть из числа людей вовсе не страшно: ведь боги не ввергнут тебя во зло. Если же богов не существует или им нет дела до людей, то что за смысл мне жить в мире, где нет богов или нет промысла? Но боги существуют и проявляют заботливость по отношению к людям. Они устроили так, что всецело от самого человека зависит, впасть или не впасть в истинное зло. А если злом и является что-нибудь другое, то они позаботились также, чтобы от каждого зависело не впасть в оное. Но то, что не делает человека хуже, может ли сделать хуже человеческую жизнь? Природа Целого не могла оплошать таким образом ни по неведению, ни по бессилию предупредить или исправить, в случае если она обладает всезнанием; не могла бы она также ни по бессилию, ни по неумелости допустить такую ошибку, как распределение благ и зол между всеми людьми без разбора, как между хорошими, так и между дурными. Смерть же и жизнь, слава и бесчестие, страдание и наслаждение, богатство и бедность — все это одинаково выпадает на долю как хорошим людям, так и дурным. Все это не прекрасно и не постыдно, а следовательно, не благо и не зло (11).

Как быстро все исчезает: сами тела в мире, память о них в вечности! Каково все воспринимаемое чувствами, в особенности то, что манит нас наслаждением, или отпугивает страданием, или прославляет тщеславием? Как все это ничтожно, презренно, изменно, брэнно и мертво! Вот на что следует направить способность мышления. Что представляют собою те, убеждения и голоса которых рождают славу? Что такое смерть? Если взять ее саму по себе и отвлечься от всего, что

вымышлено по ее поводу, то тотчас же убедишься, что она не что иное, как действие природы. Бояться же действия природы — ребячество; смерть же не только действие природы, но действие, полезное ей.

Как и какую часть своего существа соприкасается человек с богом, и что делается с этой частью по ее отделении?⁵ (12)

Нет ничего более жалкого, нежели человек, измеряющий все вдоль и поперек, пытающийся, как говорит поэт, проникнуть в «глубины подземные»⁶ и разгадать тайну душ окружающих его людей и, однако, не сознающий, что для него вполне достаточно общения с одним только внутренним гением и честно-го служения ему. Последнее же заключается в том, чтобы оберечь его от страстей, безрассудства и недовольства делами богов и людей. Дела богов почтенны своим совершенством, дела людей любезны нам в силу родства с ними. Но иногда последние возбуждают некоторого рода жалость: когда, именно, в них проявляется неведение добра и зла — уродство не меньшее, нежели неспособность различать белое и черное (13).

Если бы даже ты рассчитывал прожить три тысячи лет и еще тридцать тысяч, все же ты должен помнить, что никто не лишается другой жизни, кроме той, которую он изживает, и никто не изживает другой жизни, кроме той, которой лишается. Поэтому самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери — и сводятся они всего-навсего к мгновению. Никто не может лишиться ни минувшего,

Марк Аврелий

М 26 Наедине с собой. Размышления / Марк Аврелий ; пер. с греч. С. Роговина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 192 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-09300-3

Знаменитый труд императора Марка Аврелия, жившего во II веке, — одна из важнейших книг Древнего Рима. «Наедине с собой. Размышления» стали подлинным откровением для современников, оказали большое влияние и на развитие западной философии. Затронутые в ней темы остаются актуальными и сегодня, поэтому записки императора-философа пользуются неизменным интересом читателя во всем мире.

УДК 821.14'02
ББК 83.3(0)3

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

МАРК АВРЕЛИЙ
НАЕДИНЕ С СОБОЙ. РАЗМЫШЛЕНИЯ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Елена Орлова, Станислава Кучепатова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 22.03.2024.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 7000 экз.
Усл. печ. л. 8,46. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115095, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА* тауар белгісінің иесі, 115095, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12-14, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үйі, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

A-NFA-17321-18-R